

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Наука логики

Том третий

Москва
2017

УДК 101
ББК 87
Г27

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих

Г27 Наука логики: в 3 т. Т. 3. / Георг Вильгельм Фридрих Гегель — Репр. изд. - М.: Книга по Требованию, 2017, – 372 стр.— *(Книги, изменившие мир)*

ISBN 978-5-519-51179-7

«Наука логики», или «Большая логика», созданная Гегелем в 1812–1816 гг., — важнейшее его произведение, в котором великий немецкий философ дает наиболее развернутое изложение своих диалектических идей.

Третий том «Науки логики» содержит учение о понятии. Он снабжен примечаниями. В нем помещены именной и предметный указатели ко всем трем томам.

Репринтное издание 1970 г. (АН СССР. Ин-т философии. Философское наследие).

Перевод с нем. Б. Г. Столпнера.

**УДК 101
ББК 87**

ISBN 978-5-519-51179-7

© Книга по Требованию,
оформление, дизайн оригинал-
макета, 2017.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ответственный редактор — *М. М. РОЗЕНТАЛЬ*
Редакционная коллегия: *Э. В. ИЛЬЕНКОВ, М. М. РОЗЕНТАЛЬ,*
Е. П. СИТКОВСКИЙ

**СУБЪЕКТИВНАЯ ЛОГИКА
ИЛИ
УЧЕНИЕ О ПОНЯТИИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта часть логики, содержащая *учение о понятии* и составляющая третью часть всего сочинения, издается и под особым названием «Система субъективной логики» — для удобства тех друзей этой науки, которые привыкли проявлять больший интерес к рассматриваемым здесь темам, обычно трактуемым в так называемой логике, чем к тем более широким логическим предметам, которые рассматривались в первых двух частях.

В отношении предыдущих частей я мог рассчитывать на снисхождение справедливых судей ввиду немногочисленности подготовительных работ, которые могли бы мне дать опору, материалы и путеводную нить для движения вперед. В отношении же настоящей части я смею просить снисхождение скорее по противоположной причине, так как для логики *понятия*¹ имеется вполне готовый и застывший, можно сказать, окостеневший материал, и задача состоит в том, чтобы сделать его текучим и вновь возжечь живое понятие в таком мертвом материале. Если строительство нового города в пустынной местности имеет свои трудности, то когда дело идет о новой планировке старого, добротного построенного города, постоянно заселенного и никогда не остававшегося без хозяина, нет, правда, недостатка в материале, но зато встречаются препятствия другого рода; при этом надо, между прочим, решиться и на то, чтобы совершенно не пользоваться значительной частью вообще-то ценного запаса. —

Но в оправдание несовершенства изложения следует прежде всего сослаться на величие самого предмета. Действительно, какой предмет более возвышен для познания, чем сама *истина*! — Однако сомнение насчет того, не нуж-

дается ли в оправдании именно этот предмет, вполне уместно, если вспомнить смысл вопроса, который задал Пилат: *что есть истина?* — как говорит поэт², «с миной притворной, недалновидно, но с улыбкой осуждающего серьезное дело». В таком случае этот вопрос заключает в себе тот смысл, который можно считать моментом учтивости и напоминанием о том, что цель познания истины — это, мол, нечто такое, от чего, как известно, отказались, с чем давно покончили, и что недостижимость истины — это, дескать, нечто общепризнанное также среди профессиональных философов и логиков! — Но если в наше время вопрос о ценности вещей, взглядов и поступков, который ставит *религия* и который по своему содержанию имеет тот же смысл, все более отвоевывает обратно свое право на существование, то философия должна, конечно, надеяться, что уже не будут считать столь странным, если она снова, прежде всего в своей непосредственной области, будет настаивать на своей истинной цели и, после того как она опустилась до уровня других наук по своим приемам и отсутствию заинтересованности в истине, будет вновь стремиться подняться к этой цели. Извиняться за эту попытку, собственно говоря, недозволительно; а что касается ее осуществления, то в оправдание позволю себе еще заметить, что мои служебные дела и другие личные обстоятельства допускали лишь несистематические занятия в области такой науки, которая требует и достойна систематических и непрерывных усилий.

Нюрнберг, 21 июля 1816 г.

О понятии вообще

Указать непосредственно, какова *природа понятия*, так же невозможно, как невозможно установить непосредственно понятие какого бы то ни было другого предмета. Может, пожалуй, казаться, что для того, чтобы указать понятие какого-нибудь предмета, уже предполагается логическое (*das Logische*) и что поэтому логическое уже не может само в свою очередь ни иметь своей предпосылкой что-нибудь другое, ни быть чем-то выведенным, подобно тому как в геометрии логические предложения в том виде, в каком они применяются к величине и используются в этой науке, предпосылаются ей в форме *аксиом, не выведенных и не выводимых* определений познания. Но хотя понятие следует рассматривать не только как субъективную предпосылку, но и как *абсолютную основу*, оно все же может быть таковой, лишь поскольку оно *сделало* себя основой. Абстрактно-непосредственное есть, правда, нечто *первое*; но как абстрактное оно скорее нечто опосредствованное, основу чего, стало быть, если надо постигнуть его в его истине, еще следует найти. Эта основа, хотя и должна быть поэтому чем-то непосредственным, но должна быть таким, которое делает себя непосредственным через снятие опосредствования.

Взятое с этой стороны, *понятие* следует рассматривать прежде всего вообще как *третье к бытию и сущности, к непосредственному и рефлексии*. Бытие и сущность суть поэтому моменты его *становления*; понятие же есть их *основа и истина* как тождество, в которое они погрузились и в котором они содержатся. Они содержатся в понятии, так как оно их *результат*, но содержатся уже не как *бытие* и не как *сущность*; такое определение они имеют

лишь постольку, поскольку они еще не возвратились в это свое единство.

Объективная логика, рассматривающая *бытие и сущность*, составляет поэтому, собственно говоря, *генетическую экспозицию понятия*. Говоря точнее, уже *субстанция* есть *реальная сущность* или *сущность*, поскольку она соединена с *бытием* и вступила в действительность³. Поэтому понятие имеет своей непосредственной предпосылкой субстанцию, она есть *в себе* то, что понятие есть как *обнаружившее себя*. *Диалектическое движение субстанции* через причинность и взаимодействие есть поэтому непосредственный *генезис понятия*, который изображает его *становление*. Но *становление* понятия, как и повсюду *становление*, означает, что оно рефлексия того, что переходит в свое *основание*, и что кажущееся сперва *иным*, в которое перешло первое, составляет *истину* этого первого. Таким образом понятие есть *истина* субстанции, и так как *необходимость* — это определенный способ отношения субстанции, то *свобода* оказывается *истиной необходимости* и *способом отношения понятия*⁴.

Собственное, необходимое дальнейшее определение субстанции — это *полагание* того, что есть *в себе и для себя*; *понятие* же есть абсолютное единство *бытия и рефлексии*, [состоящее в том], что *в-себе-и-для-себя-бытие* есть лишь благодаря тому, что оно равным образом *рефлексия* или *положенность* и что *положенность* есть *в-себе-и-для-себя-бытие*. — Этот абстрактный результат выясняется посредством изображения его конкретного генезиса; этот генезис содержит природу понятия; но он должен рассматриваться до понятия. Главные моменты этой экспозиции (подробно рассмотренной во второй книге «Объективной логики») должны быть поэтому здесь вкратце перечислены.

Субстанция есть *абсолютное*, есть *в-себе-и-для-себя-сущее* действительное: *в себе* — как простое тождество возможности и действительности, абсолютная сущность, содержащая внутри *себя* всякую действительность и возможность; *для себя* — это тождество как абсолютная *сила* или просто соотносящаяся с собой *отрицательность*. — Движение субстанциальности, положенное этими моментами, состоит в том, что:

1. Субстанция как абсолютная сила или соотносящаяся с собой *отрицательность* различается так, что стано-